

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Этнографического Отдѣла Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Кн. I.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Этнографического Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Гинцбургъ.

1889.

О Н О Й Д А Х Ъ

У ДРЕВНИХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ЛОПАРЕЙ.

Всякій, говорящій о современныхъ лопаряхъ, долженъ строго отличать двѣ главныя группы лопарей: скандинавскую и русскую. Различіе въ физическомъ типѣ представителей обѣихъ группъ, различіе въ языкѣ, въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ дѣлаетъ невозможнымъ смѣщеніе этихъ обѣихъ группъ въ одну. Кромѣ того, отчужденная въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ другъ отъ друга, обѣ эти группы, подвергаясь постепенному вліянію своихъ сосѣдей, уже въ силу того, что культуры этихъ сосѣдей были различны, должны были выработать каждая своеобразный типъ. Вотъ почему было бы крайне ошибочнымъ, говоря о современныхъ русскихъ лопаряхъ, навязывать имъ взгляды, нравы и обычай ихъ скандинавскихъ сосѣдей.

Но если соединеніе современныхъ скандинавскихъ и русскихъ лопарей въ одну группу можетъ повести къ грубымъ ошибкамъ, то при описаніи лопарей древнихъ это не такъ, и это соображеніе не можетъ имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни отличались современные русскіе и скандинавскіе лопари другъ отъ друга, они, все-таки, являются лишь вѣтвями одного дерева, все-таки, родственны другъ другу, хотя вѣковая обособленность и различные вліянія и должны были наложить не только на каждую группу, но даже почти на каждый погостъ своеобразный оттѣнокъ. Подобно тому, какъ различные нарѣчія, которыми въ настоящее время говорятъ лопари, суть лишь развѣтвленія одного коренного лопарского языка, такъ и ихъ обычаи, записанные много вѣковъ до нашего времени, суть

лишь развѣтленія, видоизмѣненія однихъ общихъ лопарскихъ обычаевъ. Поэтому, принимая свидѣтельства древнихъ писателей объ обычаяхъ лопарей, мы, относя эти свѣдѣнія и къ древнѣйшимъ русскимъ лопарямъ, не рискуемъ впасть въ слишкомъ грубую ошибку, предполагая, что и у нихъ встрѣчались тѣ-же обычай и обряды, которые древніе писатели подмѣтили у современныхъ имъ скандинавскихъ лопарей,—и чѣмъ древнѣе писатель, тѣмъ вѣроятность грубой ошибки будетъ меныше. Конечно, въ частностихъ мы всегда ошибаемся, но самое основаніе, такъ сказать, духъ того или иного обряда, хотя бы и въ менѣе развитой формѣ, уяснится намъ и по отношенію къ древнимъ русскимъ лопарямъ. Естественно, что, говоря хотя бы о вѣрованіяхъ скандинавскихъ лопарей XVII вѣка, мы не можемъ лопарямъ русскимъ XVII же вѣка навязывать эти вѣрованія. Но безошибочно можно сказать, что въ основѣ и у русскихъ лопарей были тѣ-же вѣрованія, хотя, быть можетъ, и въ болѣе отдаленную эпоху, когда обособленность лопарского племени не могла быть столь значительной.

Вотъ почему, говоря о *нойдахъ-шаманахъ* у древнихъ и о *нойдахъ-комунахъ* у современныхъ лопарей, я считаю себя въ правѣ говорить о древнихъ способахъ колдовства, ссылаясь исключительно на источники, имѣвшіе въ виду лишь лопарей скандинавскихъ.

Можетъ, конечно, возникнуть вопросъ, для чего не говорить прямо о лопаряхъ русскихъ (древнихъ и современныхъ) и къ чему въ древнемъ періодѣ ихъ соединять въ одну группу съ лопарями скандинавскими? Такое соединеніе является необходимымъ въ виду того, что о древнихъ русскихъ лопаряхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, а современныя воззрѣнія ихъ не могутъ быть поняты безъ взгляда на эпоху предшествующую, такъ какъ то, что уцѣлѣло теперь изъ древнихъ вѣрованій лопарей, является лишь жалкими обломками ихъ прежняго развитаго міросозерцанія.

Русскіе познакомились съ лопарями очень давно; уже въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о городахъ: Кола и

Терь. Христіанство среди русскихъ лопарей стало распространяться въ XVI вѣкѣ, но, не смотря на это вѣковое знакомство, у нашихъ писателей мы либо не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о лопаряхъ, либо находимъ свѣдѣнія лишь крайне отрывочныя, не могущія уяснить намъ представлений и міровоззрѣнія древне-русскаго лопаря. Лазарь Муромскій, встрѣтившій лопарей около Онежскаго озера въ XIV в., ограничивается лишь упоминаніемъ, что они „страшные сыроядцы“ и „звѣроподобные люди“; а въ Соловецкомъ „Садѣ спасенія“ XVI в. читаемъ: „древле быша сіи вышерѣченіи родове (лопари), яко звире дивie живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимуще ни храма ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, но только животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же кожа оленей тѣмъ бяша. Отсюда Бога истиннаго, единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати ни разумѣти хотяху, но имъ же когда чрево насытить, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда камнемъ звѣря убietetъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразить ловимое—палицу боготворить, еже и пынѣ въ самоѣдахъ зловѣrie закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ отчасти“¹⁾). Естественно, что изъ подобныхъ свѣдѣній мы мало узнаемъ о лопаряхъ. Даже въ XVIII в. русская литература о лопаряхъ ограничивается переводами иностранныхъ писателей, навязывая такимъ образомъ тогданимъ русскимъ лопарямъ взгляды и обычай ихъ скандинавскихъ соѧдей. Въ виду всего этого, единственнымъ источникомъ, могущимъ освѣтить для насъ міровоззрѣніе древнихъ русскихъ лопарей, являются свидѣтельства современниковъ о лопаряхъ скандинавскихъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ богатый матеріалъ: во всѣхъ древнихъ описаніяхъ шведскаго государства упоминается и о лопаряхъ, причемъ главнымъ образомъ обращалось вниманіе на ихъ образъ жизни и ихъ суевѣрія. Миссионеры, объѣзжавшіе лопарскую

¹⁾ Дергачевъ. Подр. опис. Лопской земли въ Арх. Губ. В. 1869 г. № 64.

землю и описывавшіе ее, естественно, также главнымъ образомъ обращали внимание на ихъ вѣрованія, жертвенный ритуалъ, суевѣрія и т. п. Съ XVI—XVII вв. когда христіанство стало распространяться съ большей силой среди шведскихъ лопарей, усиливается и количество данныхъ. Свѣдѣнія эти пополняются путешественниками (учеными и туристами), которымъ также послѣ вѣшней обстановки лопаря, его костюма и образа жизни бросаются въ глаза и ихъ суевѣрные обряды. Въ XVIII в. мы видимъ то же самое. Благодаря этому обилію данныхъ, мы узнаемъ не только древнія вѣрованія лопарей, ихъ миѳологію, жертвоприношенія и пр., но можемъ также прослѣдить, какъ постепенно падало и разбивалось подъ напоромъ христіанства древнее міровоззрѣніе лопаря. А такъ какъ примѣнительно къ *древнимъ* русскимъ лопарямъ, какъ я указалъ еще выше, мы можемъ пользоваться источниками, трактующими о лопаряхъ скандинавскихъ, то мы въ состояніи нарисовать себѣ на основаніи этихъ источниковъ хотя бы приблизительно вѣрную картину представлений древнихъ русскихъ лопарей.

Не останавливаясь на вѣрованіяхъ лопарей вообще, я коснусь лишь колдовства и колдуновъ. Эта сторона лопарскихъ вѣрованій, выразившаяся главнымъ образомъ въ шаманизмѣ, стоитъ въ тѣсной связи съ вѣрованіями лопарей. Что касается вообще древней религіи лопарей, то писавшимъ о ней справедливо можно сдѣлать упрекъ, который Кастренъ дѣлаетъ по отношенію къ писавшимъ о вѣрованіяхъ алтайскихъ народовъ вообще. „Древнѣйшую собственную религію алтайскихъ народовъ, пишетъ онъ, ¹⁾ обыкновенно назначали именемъ шаманизма, т. е. религіи волшебства. Какъ при названіи, такъ и при восприниманіи дѣла обращалось больше вниманія на вѣшнюю, видимую сторону, чѣмъ на внутреннюю сторону и на самую суть дѣла“. Дѣйствительно, не одно шаманство составляетъ характерную черту древне-лопарскихъ вѣрованій; на ряду съ нимъ мы встречаемъ и вы-

¹⁾ A. Castren, Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 1.

соко-развитыя представлениі: и поклоненіе духамъ, населяющими окружющую лопаря природу, и поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ и грознымъ атмосферическимъ явленіямъ. Но, не смотря на довольно хорошо разработанную миѳологію, мы встрѣчаемъ у лопарей и грубый фетишизмъ, который какъ-то странно соединяется съ высокими религіозными представлениіями. Въ тѣсной связи съ фетишизмомъ стоитъ у лопарей и шаманизмъ, на которомъ я и позволю себѣ остановиться.

Шаманизмъ, какъ и фетишизмъ—послѣдніе уступили мѣсто вновь пришедшему христіанству, и это опять-таки оттого, что шаманизмъ, наравнѣ съ фетишизмомъ, былъ наиболѣе близокъ лопарю.

Сдѣлавъ эти необходимыя замѣчанія, для того, чтобы оправдать свое пользованіе источниками, толкующими о скандинавскихъ лопаряхъ, перехожу теперь къ *нойдамъ* (древнимъ шаманамъ и современнымъ колдунамъ).

Съ незапамятныхъ временъ Лапландія считается страной, населенной чародѣями. Еще въ Калевалѣ мать Леминкейнена, желая удержать его отъ поѣздки въ Похольу, говоритъ:

„Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальняя Похольы;
Не ходи безъ чаредѣйства,
Безъ премудрости всевластной
Къ очагамъ дѣтей Похольы,
На поля дѣтей лапландскихъ.
Запоетъ тебя лапландецъ,
Заклянетъ тебя турьянѣцъ,
По уста положить въ угли,
Въ пламя голову и плечи,
Въ золу жаркую всю руку
На каменьяхъ раскаленныхъ“.²⁾

²⁾ Калевала; рува 12; пер. А. Бѣльского. „Турьянѣцъ“—норвежецъ

И нѣсколько дальше:

Не ходи отсюда, милый...

Въ эту мрачную Похольу.

Тамъ опасность угрожаетъ...

Хоть ты будешь стоязычнымъ...

Все же ты не бросишь пѣньемъ

Сыновей Похольы въ воду;

Ты не скажешь, какъ турьянецъ,

Ты не скажешь, какъ лапландецъ.¹⁾

Въ древней Россіи мы встрѣчаемся также со взглядомъ на лопарей, какъ на опасныхъ чародѣевъ и вѣдуновъ, могущихъ открыть будущее. Кромѣ тѣхъ волхвовъ-лопарей, которые привезены были для Иоанна Грознаго, мы знаемъ, что, когда послѣ убийства Лжедимитрія I стали ходить слухи, что земля его не принимаетъ, нѣкоторые утверждали, что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искусству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился этому дьявольскому искусству^{2).}

Но наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи являются разсказы, передаваемые намъ средневѣковыми писателями о колдовствѣ лопарей. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти разсказы были такъ сильно распространены, служить доказательствомъ, какъ крѣпко утвердились за лопарями слава о ихъ чародѣйствѣ. Ограничусь лишь нѣкоторыми изъ этихъ разсказовъ.

Такъ, долгое время держалось мнѣніе, что лопари имѣютъ власть надъ вѣтрами. Циглеръ сообщаетъ, что лопари заявляютъ три волшебныхъ узла, и когда они развязываютъ одинъ узелъ—поднимаются вѣтры съ умѣренной силой; когда они развязутъ второй узелъ—начинаютъ дуть вѣтры болѣе сильные; когда развязутъ третій—поднимается буря и гроза^{3).} Другой писатель сообщаетъ, что лопари мо-

¹⁾ ibid.

²⁾ Петръ Петреи. Ист. о Вел. Кн. Московскомъ стр. 222.

³⁾ J. Schefferus. Lapponia p. 144.

гуть удержать корабль на ходу такъ, что никакая сила вѣтровъ не можетъ ихъ сдвинуть съ мѣста¹⁾. Далѣе, Циглеръ говоритъ, что лопари приготовляютъ небольшія, величиной съ палецъ волшебныя копья изъ свинца и посылаютъ ихъ на своихъ враговъ; копье это ранить того, кому оно было послано, и тотъ въ страшной боли умираетъ черезъ три дня. Шефферъ, у которого мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „теперь (въ концѣ XVII в.) нѣть никого, кто бы зналъ это“; онъ полагаетъ, что Циглеръ ошибся, предполагая, что лопари посылаютъ волшебныя свинцовые копья, и прибавляетъ, что другой писатель, Петръ Клауди, называетъ „гань“—то, что посылаютъ лопари, что гань имѣеть видъ мухи и что это самъ дьяволъ; этотъ гань наносить людямъ и животнымъ смерть или вредъ²⁾). Но если одни лопари имѣли силу насылать такимъ образомъ смерть, то другие лопари были надѣлены силою изгонять этотъ гань; кромѣ того, гань вредилъ лишь тогда, если посылающій его зналъ имя отца того лица, которому онъ хотѣлъ вредить³⁾). Наконецъ, лопари, по словамъ Шеффера, имѣютъ силу насылать еще т. наз. тире (тире), особо приготовленную массу, величиной съ орѣхъ или средней величины яблоко. Это тире продается лопарями; оно летить по направленію того лица, на которое оно насыщается, „словно вихрь или словно пущенная стрѣла либо шаръ, и если по дорогѣ ему встрѣтится что нибудь живое, каково бы оно ни было,—тире поражаетъ его... и такимъ образомъ оно нерѣдко отклоняется отъ лица, для которого оно было назначено, и поражаетъ невиннаго. И даже до нашего времени, заключаетъ Шефферъ, нѣть недостатка въ печальныхъ примѣрахъ такого рода“.⁴⁾ Могутъ лопари насыщать болѣзнь или смерть также при помощи волшебнаго бубна, хотя способы, которыми зло дѣлается при помощи бубна, и неизвѣстны, такъ какъ лопари держать ихъ втай-

¹⁾ Schefferus, ibid. p. 145.

²⁾ ibid. 146.

³⁾ ibid. 148.

⁴⁾ ibid. 149.

нъ. Еще писатель XVII вѣка Іоаннъ Торней вполиѣ вѣрить въ возможность нанесенія вреда при посредствѣ бубна: „Между этими лопарями, пишетъ онъ, былъ одинъ лѣтъ восьмидесяти, который признавался, что онъ, будучи еще мальчикомъ научился отъ своего отца этому искусству (т. е. наносить вредъ) и въ 1670 г. ... устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ... утопъ на одномъ порогѣ. Его приговорили къ смертной казни и въ оковахъ везли изъ Лапландіи къ ближайшему городу Ботніи. На дорогѣ онъ при помощи своего искусства убилъ себя, такъ что скончался въ одинъ мигъ, хотя сидѣлъ совершенно здоровымъ въ телѣгѣ¹⁾“. Чародѣи при помощи барабана или при исполненіи известныхъ дѣйствій могли узнать и о томъ, что происходило въ чужой странѣ. Такъ, напримѣръ, Шефферъ передаетъ разсказъ, по которому приказчикъ одного нѣмецкаго купца, находясь въ Лапландіи, пожелалъ узнать, что дѣлаетъ его господинъ; чародѣй послѣ нѣсколькихъ дѣйствій, рассказалъ все, что дѣлаетъ патронъ въ далекомъ нѣмецкомъ городѣ²⁾. Даже въ XVIII в. П. Гегстремъ считаетъ нужнымъ опровергнуть ходячее мнѣніе, что лопари могутъ переноситься на облакѣ вмѣстѣ съ своими оленями съ мѣста на мѣсто, и объявить такого рода мнѣнія „ложными представлѣніями необразованнаго человѣка, такъ какъ подобныя вещи въ Лапландіи неизвестны³⁾“.

Но конечно не всѣ лопари считались таковыми. Изъ ихъ числа выдѣгалось лишь нѣсколько, знающихъ тайны чародѣйства, могущихъ навести порчу, причинить болѣзнь или смерть. Таковыми были ихъ шаманы, называемые самими лопарями нойдами, которые въ своемъ лицѣ соединяли функции и шамана, и колдуна.

Шаманизмъ опредѣляютъ обыкновенно какъ религию, въ которой при помощи опредѣленныхъ дѣйствій, приводящихъ жреца (шамана) въ экстазъ, можно подчинить себѣ какого

¹⁾ Schefferus, ibid. 143, 144.

²⁾ ibid. p. 135.

³⁾ P. Högström. Beschreibung des... Lapplandes. 1748. p. 26.

нибудь духа, обыкновенно того, который вселился въ шамана, и заставить его произвести тѣ или иные дѣйствія, раскрыть будущее, исполнить какое-нибудь порученіе. „Основная идея (лежащая въ основѣ шаманизма), говоритъ Кастренъ¹⁾, это та, что въ природѣ существуютъ абсолютныи силы, которые оказываютъ безусловное вліяніе на человѣка. Вмѣстѣ съ постепенно пріобрѣтеннымъ взглядомъ, что человѣкъ не созданъ непосредственнымъ владыкой природы, является въ немъ и потребность отыскать извѣстныи средства, для достижения своихъ намѣреній“.

Но если таковъ дѣйствительно шаманизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его обыкновенно застаемъ у различныхъ народовъ, то въ основѣ своей у лопарей онъ, повидимому, происходитъ отъ иного взгляда. Можно думать, что первоначальнымъ шаманомъ у лопарей былъ глава рода или семьи и что лишь впослѣдствіи шаманы выдѣлились въ особую группу жрецовъ, на которыхъ и перешли потомъ всѣ тѣ обязанности, которые лежали нѣкогда на главѣ семьи. Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ фактахъ. Обязанности при жертвоприношеніяхъ перешли съ теченіемъ времени на нихъ. Они гадали на бубнѣ о томъ, кто изъ боговъ желаетъ жертвы и какое животное нужно принести каждому изъ нихъ. Обязанности жрецовъ при жертвоприношеніяхъ также исполнялись ими. Однако въ то время, когда жрецы обособились уже въ извѣстный классъ, мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи, что всѣ обязанности жреца исполнялись главой семьи. Каждая семья, пишетъ Моне²⁾, имѣла по крайней мѣрѣ одного духа (сторьюнкаре); многія семьи имѣли ихъ нѣсколько. Этотъ духъ оставался въ домѣ и переходилъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, вслѣдствіе чего глава семьи обязанъ былъ знать искусство обходиться съ духами. Это и было колдовство; ему поэтому и учились, и сынъ, наряду съ домашними духами, унаслѣдовалъ и это искусство. По Шефферу почти

¹⁾ A. Castren. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 4.

²⁾ Mone. Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. I. стр. 31.

каждая семья имѣла свой волшебный бубень, который и перевозился лопарями обыкновенно при всѣхъ перекочевкахъ. Какъ увидимъ ниже, бубень являлся необходимымъ при жертвоприношеніяхъ. И такъ, хотя и на основаніи очень немногихъ данныхъ, мы можемъ заключить, что въ качествѣ переживанія писатели, XVII в. застали еще главу семьи въ его роли приносителя жертвъ, семейного жреца, хотя шаманы—войды въ то время уже выдѣлились въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи въ особую группу.

Необходимость существованія такихъ семейныхъ жрецовъ будетъ особенно очевидной, если мы посмотримъ на тѣхъ божествъ, которымъ приносились жертвы лопарями. Кромѣ боговъ солнца, грома и др., лопарямъ чаще всего приходилось жертвовать священнымъ камнямъ. Мало того, свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ солнцу и гому относятся далеко не ко всѣмъ мѣстностямъ Лапландіи, и повидимому преобладающимъ культомъ оставался культъ этихъ священныхъ камней. Эти камни одними писателями называются *сторьюнкаре*, другими—*сейтами*, *сейдами*. Очевидно, слово „сторьюнкаре“ не лопарское, а заимствованное отъ сосѣдей скандинавовъ; но уже самъ переводъ этого слова—„великий господинъ“¹⁾ заслуживаетъ вниманія: ясно, что эти камни считались божествами сильными²⁾). Но слово „сторьюнкаре“ замѣнялось обыкновенно словомъ „сейта“.

Что такое *сейта*? Уже Моне дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Они (лопари)... имѣли родовыя сказанія о сейтахъ, и уже имя умершихъ *ситте* или *сите* доказываетъ связь ихъ съ сейтами, откуда происходитъ учение о душахъ. Душа дѣлалась такимъ образомъ высшимъ духомъ, сторьюнкаре, домашнимъ богомъ³⁾“. Этому предположенію Моне вполнѣ соответствуетъ предположеніе Кастрена. Онъ указываетъ на то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи, которыя

¹⁾ Моне, ibid. стр. 36.

²⁾ Шефферъ выдѣляетъ сторьюнкаре въ особое божество для некоторыхъ мѣстностей Лапландіи.

³⁾ Моне, ibid. 38.

населены финнами, эти сейды иногда носятъ название Kenttä-Kiwet, происходящее отъ финскихъ словъ: Kenttä—стоянка и Kiwi (мн. Kiwet) — камень, и именно это название, заключаетъ онъ, доказываетъ,—что можно было бы принять и изъ другихъ оснований,—что сейды были пепатами лопарей ¹⁾. Дюбенъ считаетъ сейдовъ также пепатами. Вѣроятно, говорить онъ, что нѣкогда отмѣчали жилище мертвыхъ камнемъ, какъ бы въ видѣ могильного памятника. Эти камни стояли одиноко и были разсѣяны тутъ и тамъ. Около этихъ камней приносились жертвы въ честь покойниковъ. Священные камни сдѣлались впослѣдствіи сейтаръ по мѣрѣ того, какъ съ течениемъ времени воспоминаніе о ихъ первоначальномъ значеніи ослабилось и развилъся антропоморфизмъ. Тогда стали воздвигать сейды подъ давленіемъ совершенно другой идеи. Имъ не придавали больше значенія памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь предковъ; ихъ считали богами предковъ. Камень одѣли способностью жить, двигаться, есть и пить, причинять несчастіе. Онъ принадлежалъ личности, семье, роду ²⁾. Лишнимъ доказательствомъ значенія сейдовъ какъ божествъ родовыхъ можетъ служить и то обстоятельство, что женщины не только не имѣли права присутствовать при жертвоприношеніяхъ, но не смѣли даже приближаться къ мѣсту, на которомъ стоялъ сейдъ. Мысль, что женщина, происходящая изъ другого рода, является по отношенію къ родовому божеству существомъ не чистымъ, оскверняющимъ своимъ присутствиемъ святое мѣсто, столь общая у всѣхъ некультурныхъ народностей, сквозитъ и здѣсь. Интереснымъ является и то, что по отношенію къ священному бубну существовали тѣ же мнѣнія. Бубенъ считали предметомъ столь священнымъ, что ни одна женщина не имѣла права трогать его. Если женщина пройдетъ по той дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, она или тотчасъ умретъ, или захвораетъ, или на нее обрушится вообще какое-нибудь несчастіе. Но

1) A. Castren. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. стр. 60.

2) Düb. La Laponie et les Lapons (въ Congr s international des Sciences G ographiques 1878. p. 332).

опасность проходить по дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, прекращается для женщины по прошествіи трехъ дней. Какъ семейная святыня, бубенъ при перекочевкахъ перевозился по дорогамъ тайнымъ, по которымъ обыкновенно никто не ходилъ¹⁾. Были ли сейды (священные камни) памятниками надъ могилами предковъ или нѣтъ—определительно сказать нельзя, хотя наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ происхожденія ихъ и является предположеніе Дюбена. Въ самомъ дѣлѣ, если мы впослѣдствіи и встрѣчаемся съ вѣрованіями въ сейдовъ какъ боговъ, имѣющихъ видъ камней, или колдуновъ, обращенныхъ за неисполненіе точныхъ правилъ при колдовствѣ въ сейдовъ, если употребительными являются помазанія яствами и питьемъ священного камня,—все это еще не служить опроверженіемъ теоріи происхожденія сейдовъ отъ могильныхъ памятниковъ, и поклоненія имъ—отъ поклоненія лежащимъ подъ этими камнями предкамъ. Мало того, вѣроятнѣе предположить, что лопари, подобно многимъ другимъ народностямъ, останавливались при своихъ перекочевкахъ именно на мѣстахъ, на которыхъ были похоронены ихъ предки, что обмазываніе жиромъ камней явилось лишь символическимъ кормленіемъ умершихъ предковъ, подобно тому, какъ у другихъ народовъ обычай положенія предметовъ обихода въ могилу замѣнился высѣченіемъ или вырисовываніемъ на могильномъ камнѣ изображеній этихъ предметовъ. Но даже кромѣ сейдовъ у лопарей были еще особые домашніе духи. По словамъ Іоанна Торнея, лопарскія семьи имѣли каждая своего духа, отличного отъ духовъ остальныхъ семей, враждебныхъ даже духамъ прочихъ семей. Не только отдельныя семьи имѣютъ духовъ, но даже и отдельные лица имѣютъ ихъ, либо одного, либо нѣсколькихъ, которые и защищаютъ ихъ отъ козней духовъ прочихъ лицъ и даже вредятъ другимъ людямъ²⁾. Эти домашніе духи живутъ подъ очагомъ; имъ приносятъ жертвы. Шефферъ передаетъ, что умершихъ

¹⁾ Schefferus. Lapponia p. 132, 133.

²⁾ Schefferus. Ibid p. 121.

называли именемъ *ситте*, но что не дѣлали ихъ изображеній¹⁾. Имъ приносили жертвы, выбирая эти жертвы при посредствѣ бубна; указанному бубномъ животному до жертвоприношенія прокалывали правое ухо и вводили въ проколъ черную нитку²⁾.

При существованіи вѣры въ домашнихъ духовъ-покрови-телей (какъ известно, происходящей отъ поклоненія предкамъ), при принесеніи жертвъ покойникамъ, естественно, что жрецомъ могъ быть только глава семьи, который и совер-шаль жертвенный ритуалъ. При жертвоприношеніи употреб-ляется бубень, который употреблялся и нойдами. Повидимому и бубень изъ семеной или родовой собственности перешелъ съ теченіемъ времени въ руки отдельныхъ лицъ. Этихъ главъ семьи, исполняющихъ обязанности и семейного жреца, хра-нящихъ и поддерживающихъ семейную религию, семейный культь, писатели XVII в. застаютъ еще какъ переживаніе среди лопарей. Нойды, какъ особый классъ, успѣли уже за-родиться, въ иныхъ мѣстахъ успѣли вытѣснить прежнихъ се-мейныхъ жрецовъ; этому, конечно, долженъ быть способство-вать упадокъ семейного культа вообще среди лопарей, вы-звавшій появленіе особаго класса жрецовъ, исполняющихъ всѣ обязанности, которыя никогда лежали на главѣ семьи. Но этотъ классъ въ XVII в., если и былъ преобладаю-щимъ, повидимому не успѣлъ еще окончательно вытѣснить прежній способъ жертвоприношеній. Вотъ почему въ то время, какъ почти всѣ писатели говорятъ о нойдахъ, какъ лицахъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ жреческія обязанности, мы встрѣчаемъ еще у некоторыхъ писателей упоминанія, хотя и робкія, о существованіи жрецовъ—главъ семьи, передаю-щихъ по наслѣдству свои знанія въ колдовствѣ и въ жерт-венныхъ ритуалахъ.

¹⁾ Отсутствіе изображеній умершихъ, естественно, не можетъ служить опро-верженіемъ происхожденія сейдовъ отъ могильныхъ памятниковъ: въ мѣстно-стяхъ, знакомыхъ Шефферу, эта связь сейдовъ и ситте могла уже утратиться. Къ тому же самъ священный камень не есть изображеніе покойника, а лишь могильный памятникъ.

²⁾, Schefferus. Ibid. p. 117.

Но, какъ я уже сказалъ, большинство писателей знаетъ нойдовъ, какъ классъ уже выдѣлившійся, обособившійся въ отдельную группу. Они являются жрецами и колдунами. Неотъемлемой принадлежностью ихъ является бубенъ, при помощи которого они совершаютъ и колдовство, и узнаютъ волю боговъ, и лѣчать отъ болѣзней.

Нойдомъ могъ сдѣлаться не всякий; некоторые имѣли уже отъ природы даръ сдѣлаться имъ. Вотъ какъ объясняетъ, со словъ лопарей, Іоаннъ Торней средства, при помощи которыхъ такие люди дѣлаются шаманами: „всякій разъ, когда дьяволъ увидитъ, что такие люди могутъ быть хорошими служителями ему, онъ посыаетъ на нихъ въ самомъ дѣствѣ болѣзнь, во время которой онъ показываетъ имъ различные картины и видѣнія, изъ которыхъ они сообразно съ своимъ возрастомъ научаются тому, что относится къ этому искусству (колдовству). Затѣмъ онъ насыщаетъ на нихъ вторую болѣзнь и показываетъ имъ больше видѣній, изъ которыхъ они научаются еще больше искусству, чѣмъ во время первой болѣзни. Если онъ пошлетъ на нихъ третью болѣзнь, которая бываетъ столь тяжелой, что они подвергаются опасности потерять жизнь, то имъ являются всѣ видѣнія дьявольскія, изъ которыхъ они научаются всему, что необходимо для совершенного знанія колдовства¹⁾“⁴. Колдовству можно однако научиться и отъ другого шамана. Можно было быть его ученикомъ, известное время сопровождать его, присутствовать и помогать ему при его дѣяніяхъ и такимъ образомъ выработать изъ себя шамана. Но для того, чтобы считаться шаманомъ, необходима была санкція старыхъ, уже испытанныхъ нойдовъ. Посвященіе нового нойда совершалось слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько старыхъ нойдовъ соглашались собраться у молодого, желающаго получить это званіе. Когда они собрались всѣ вмѣстѣ въ домъ кандидата, то одинъ старый нойдъ садился около дверей такъ, что ноги молодого нойда и старого скрещивались. Молодой начиналъ

¹⁾ Schefferus. Lapponia стр. 122.

затѣмъ бить въ бубенъ и пѣть. Если во время этого сайво (божество, о которомъ я скажу нѣсколько ниже) входилъ въ жилище и переходилъ ихъ ноги, но такъ, что его видѣлъ лишь одинъ молодой, то стариkъ не обращалъ на это никакого вниманія. Но если сайво входилъ такъ, что его видѣлъ и старый колдунъ, то молодой объявлялся тотчасъ же нойдомъ¹⁾.

Колдунъ считался обладающимъ большою силою, могущимъ и узнавать будущее, и толковать волю боговъ. Въ большинствѣ случаевъ подспорьемъ ему служилъ его бубенъ. Бубенъ быть неодинаковъ; но несходство одного бубна съ другимъ выражалось лишь въ частностяхъ: въ его формѣ и отчасти рисункахъ, на немъ изображенныхъ. Обыкновенно бубенъ дѣлался изъ дерева—сосны, ели или березы, причемъ требовалось, чтобы дерево „росло по-солонъ“.

Самый бубенъ, если вѣрить свидѣтельству Іоанна Торнея, назывался лопарями Kannus или quobdas²⁾. Та часть бубна, по которой били, была, по словамъ современниковъ, раскрашена; на ней были изображены разныя фигуры красной краской, добытой изъ коры ольхи. На срединѣ бубна проводились двѣ черты поперекъ, на которыхъ изображались главные боги, какъ Торъ (иначе Айеке—богъ грома) съ его famulis, Сторъ-юнкаръ со своими. Ниже этихъ чертъ, проводилась параллельно имъ черта, доходящая до половины бубна; на ней изображали Христа съ нѣсколькими апостолами. Надъ этими чертами изображались птицы, звѣзды, луна. Ниже этихъ чертъ, на самой срединѣ бубна, изображали солнце. Ниже изображенія солнца помѣщали различныхъ животныхъ, напримѣръ: медвѣдей, волковъ, оленей, лисицъ, змѣй; далѣе изображали болота, озера, рѣки и т. п. Иногда на южной части рисовали Швецію, сѣвернѣе Норвегію, отмѣчались города и представлялись люди. По срединѣ обѣихъ частей рисовали Лапландію, занимавшую большую, чѣмъ остальные страны, площадь. Въ Лапландіи изображались различныя

1) Erm. Archiv. XX. стр. 353.

2) Schefferus. Lapponia p. 122.

животныя¹⁾. Иногда отъ изображения солнца шли четыре радиуса, долженствовавшіе изображать дороги во всѣ четыре страны свѣта. Солнце изображалось въ видѣ четырехугольника; радиусы, отъ него идущіе, иногда означали, что дѣйствие солнца распространяется всюду²⁾. Путешественникъ XIX ст., Гоггюеръ, видѣвшій въ 1828 году шаманскій бубень, описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: онъ имѣть видъ рѣшета, покрытъ приготовленной, лишенной шерсти, оленьей шкурой, на которой кровью нарисована масса изображеній: сѣверныхъ оленей, медвѣдей, волковъ, собакъ, птицъ, деревьевъ и многихъ другихъ предметовъ³⁾.

Бубенъ употреблялся слѣдующимъ образомъ. На него клали кольцо, сдѣланное изъ металла, либо изъ ольхи; къ этому кольцу обыкновенно привязывались нѣсколько маленькихъ колецъ. Иногда большое кольцо замѣнялось костяной фигурой, имѣвшей видъ буквы „дельта“. Когда кольцо было положено по срединѣ бубна, начинали ударять молоткомъ въ бубенъ, сопровождая удары пѣснью. По направленію кольца, которое двигалось отъ ударовъ, узнавали то, что требовалось. Если нужно было узнать, какое жертвеннное животное, положимъ, требуетъ себѣ какой-нибудь богъ, то, смотря по тому, около изображенія какого животнаго кольцо останавливалось, то и опредѣляли для жертвоприношенія. Кольцо носило название *арпа*⁴⁾.

Бубномъ шаманы пользовались въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда требовалось узнать, что дѣлается въ другихъ краяхъ, гдѣ находится потерянная вещь или животное; 2) чтобы узнать исходъ предполагаемаго дѣла или исходъ болѣзни; 3) для излѣченія болѣзни; 4) чтобы узнать, какому богу и какое животное принести къ жертву; 5) чтобы на нести какой-нибудь вредъ человѣку.

Когда требовалось узнать, какому богу или какое

1) Schefferus, *ibid.* p. 124, 126.

2) A. Réville. *Les Religions des peuples non civilisés.* II. p. 186.

3) Hogguer. *Reise nach Lappland,* стр. 96.

4) Schefferus. *Lapponia* p. 130.

животное нужно принести въ жертву, то шаманъ поступалъ слѣдующимъ образомъ. Если требовался отвѣтъ на первый вопросъ, то, положивъ кольцо на средину бубна, шаманъ начиналъ бить по немъ, пока кольцо, пришедшее въ движение отъ сотрясенія, не начинало двигаться и не останавливалось передъ изображеніемъ того или иного божества. Этимъ и решался вопросъ. Иногда, когда лопари хотѣли принести жертву какому-нибудь божеству, то прежде требовалось убѣдиться, желаетъ ли данное божество принесенія жертвы. Найдъ начиналъ бить въ бубень, а всѣ члены семьи, которая рѣшилась принести жертву, окружая его, пѣли вмѣстѣ слѣдующія слова: „что ты скажешь, великий, святой богъ? принимаешь ли ты ту жертву, которую я назначилъ для принесенія тебѣ?“ Во время пѣсни они поминали и ту гору, на которой должно было совершиться жертвоприношеніе. Если данное божество желаетъ жертвы, кольцо останавливается передъ его изображеніемъ; если нѣть—лопари съ той-же пѣснью предлагаютъ другому богу жертву, и такъ до тѣхъ поръ, пока кольцо не остановится передъ какимъ-нибудь изображеніемъ божества ¹⁾). Роль нойда не ограничивалась только выборомъ божества или предмета жертвы: и во время жертвоприношенія онъ являлся главнымъ жрецомъ. Еще до жертвоприношенія онъ былъ обязанъ приготовиться постомъ и омовенiemъ къ своему дѣлу. Въ день жертвоприношенія онъ являлся въ лучшихъ своихъ одеждахъ, надѣвалъ оловянныя цѣпи на правую руку и повязывалъ черезъ лѣвое плечо поясъ. При жертвоприношенияхъ женскимъ божествамъ онъ надѣвалъ бѣлую льняную шапку. На его обязанности лежало закладь животное; онъ же руководилъ и жертвеннымъ ритуаломъ, произносилъ опредѣленныя слова молитвы, становился на колѣни, а остальные присутствующіе лишь подражали ему ²⁾). Женщины, имѣвшія право присутствовать при гаданіи о томъ, какому богу и какая должна быть при-

¹⁾ Schefferus, ibid. p. 109.

²⁾ Erman. Archiv. XX. стр. 351, 352.

несена жертва, исключались совершенно отъ присутствія при жертвоприношениі.

Когда требовалось узнать объ исходѣ задуманнаго предпріятія, нойдъ клалъ большое кольцо съ привѣщенными къ нему малыми кольцами на бубень такъ, чтобы оно приходилось на изображеніи солнца. Затѣмъ начинать бить въ бубень: если маленькия кольца двигались по-солонь, то это считалось за хорошее предзнаменованіе; если наоборотъ, то предзнаменованіе считалось дурнымъ. Прежде чѣмъ идти на охоту, производили то-же гаданіе и, смотря по тому, будуть ли кольца направлены на востокъ или на западъ, шли по этому направлению, увѣренные въ полученіи хорошей добычи.

Естественно, что этими видами гаданій могъ заниматься всякий лопарь, имѣвшій бубень, и сила и значеніе нойдовъ, влияніе, которое они оказывали на своихъ соплеменниковъ и даже на многихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ лопарскую землю, заключались не въ этомъ: они имѣли, по вѣрованіямъ лопарей, еще силу врачевать болѣзни и узнавать, что дѣлается въ чужихъ, отдаленныхъ отъ ихъ мѣстожительства краяхъ. Дѣло въ томъ, что каждый лопарскій нойдъ имѣлъ въ Сайво-аймо (странѣ усопшихъ) три вида животныхъ, находившихся въ постоянномъ его распоряженіи, именно: птицу (*saivo lodde*), рыбу (*saivo kieelle*) и оленя (*saivo sarvo*). Общее имя этихъ животныхъ было—*Noaidde-vuoingga*, т. е. духи ча-родѣвъ. Птицы были то въ видѣ ласточекъ, то въ видѣ воробьевъ, орловъ, лебедей, голубей или коршуновъ. Цвѣтъ ихъ былъ обыкновенно бѣлый съ чернымъ (сѣрымъ). Они всегда слѣдовали за шаманомъ, когда онъ ихъ вызывалъ пѣніемъ, показывали ему дорогу, помогали въ охотѣ, доносили чужія рѣчи и т. п. Рыбы переносили нойда въ царство мертвыхъ. „Духи ча-родѣвъ“ продавались или передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эти животные были необходимы для ча-родѣя, когда онъ отправлялся въ землю усопшихъ. Аѣздить ему туда приходилось либо для вызова усопшихъ на землю, либо для того, чтобы лично

упросить подземныхъ боговъ даровать больному еще на нѣкоторое время жизнь¹⁾, либо узнать причину болѣзни и вывѣдать, какія средства нужны для умилостивленія подземныхъ духовъ. Чтобы посѣтить страну умершихъ, шаманъ, ударяя въ бубенъ и напѣвая при этомъ пѣснъ, впадалъ въ безсознательное состояніе, и въ это-то время духъ его путешевствовалъ въ подземныя страны. Позволю себѣ привести здѣсь кстати разсказы найдовъ объ ихъ путешествіяхъ въ загробное царство. „Волшебная рыба приходила на ихъ зовъ, и на ея спинѣ нойдѣ отправлялся въ царство мертвыхъ. Если божество подземнаго царства не хотѣло отпустить умершаго на землю или, что чаще случалось, если умершіе родственники больного требовали, чтобы онъ (больной) пришелъ къ нимъ, то они не отпускали чародѣя и пытались его убить. Тогда приходилъ умершій ему на помощь и вступалъ съ ними въ бой, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока остальные не позволили требуемому на землю умершему уѣхать съ шаманомъ. Если больному (о которомъ прѣзжалъ узнать шаманъ) даровалаась жизнь, то это бывало всегда подъ условиемъ, чтобы онъ принесъ жертву умершимъ, желавшимъ имѣть его среди себя. Если же умершіе оставались непреклонными, то больному суждено было умереть. Объ участіи, ожидающей больного, объянялъ шаманъ, по возвращеніи своемъ изъ царства мертвыхъ.“²⁾ Послѣ того какъ нойдѣ узнавалъ, какими жертвами слѣдуетъ умилостивить умершихъ, чтобы больной жилъ, онъ приступалъ къ его лѣченію. Если требовалась жертва, то шаманъ требовалъ немедленнаго обѣщанія отъ больного принести жертву на опредѣленномъ мѣстѣ. Если болѣзнь происходила отъ того, что въ больного вселился какой-нибудь духъ, то шаманъ, узнавъ объ этомъ, лѣчилъ его слѣдующимъ образомъ. Большой давалъ шаману одно кольцо оловянное, одно серебряное и долженъ былъ надѣть ихъ на правую руку шамана; эти кольца поступали въ его собствен-

1) Егип. Archiv. XX стр. 174, 175.

2) ibid. стр. 175, 176.

ность, какъ вознагражденіе за трудъ. Затѣмъ онъ начиналъ бить въ бубенъ и пѣть торжественную пѣснь, которой вторили присутствующіе мужчины и женщины¹⁾.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нойдовъ, какъ лѣкарей. Однако еще болѣе важное значеніе имѣютъ они, какъ колдуны, когда они заставляютъ подчиненныхъ имъ духовъ узнавать, что дѣлается въ той или иной мѣстности. Какъ наиболѣе бывающая на воображеніе, именно эта сторона дѣятельности лопарскихъ шамановъ нашла себѣ и наиболѣшее число описателей и разсказчиковъ.

Ограничусь описаніемъ и этой дѣятельности нойдовъ лишь въ общихъ чертахъ.

Для исполненія этой задачи требовалось, чтобы шаманъ пришелъ въ экзальтированное состояніе при помощи ударовъ въ бубенъ и пѣсни, какъ своей, такъ и своихъ спутниковъ (учениковъ), которые помогали ему. Въ числѣ помощниковъ были не только мужчины, но и женщины. Пѣсни, которыя пѣлись какъ самимъ шаманомъ, такъ и его спутниками, имѣли строго опредѣленныя слова; первая называлась *юйике*, вторая — *дуура*²⁾. Шаманъ сначала начиналъ удирять въ бубенъ тихо, затѣмъ сильнѣе и сильнѣе, пока не терялъ сознанія. Спутники нойда въ это время усиленно пѣли, опасаясь забыть слова пѣсни; если это произойдетъ, шаману грозить смерть. Въ это же время, пока духъ совершає свое путешествіе, нужно оберегать шамана отъ прикосновенія чего бы то ни было, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему также грозить смерть. Пролежавъ такимъ образомъ некоторое время, онъ поднимается и разсказываетъ, что происходило въ той странѣ, куда духъ его направлялся³⁾. Небезинтереснымъ является разсказъ Ренъяра (французского путешественника въ Лапландію въ XVII в.) о шаманѣ, котораго онъ видѣлъ. Когда явился къ нему нойдъ, онъ попросилъ, чтобы тотъ принесъ ключи отъ комнаты его мате-

1) Schefferus. Lapponia p. 142.

2) ibid. p. 137.

3) ibid. p. 135—139.

ри... „Глаза у чародѣя заверѣлись, лицо измѣнилось въ цветѣ, борода всклокочилась. Казалось, что онъ сломаетъ свой бубенъ: съ такой силой онъ ударялъ по немъ, и наконецъ онъ упалъ, окаченъ, словно палка. Всѣ лопари, здѣсь присутствовавшіе, тщательно оберегали, чтобы кто-нибудь не приблизился къ нему при такомъ его состояніи; отговаривали даже мухъ, не позволяя имъ сѣсть на него... Лопарь лежалъ словно мертвый съ четверть часа и, мало-по-малу приходя въ себя, стала блуждающимъ взоромъ смотрѣть на насть. Осмотрѣвъ насть всѣхъ, онъ обратился ко мнѣ и ека заль, что его духъ не можетъ повиноваться ему, такъ какъ я болѣе сильный чародѣй, чѣмъ онъ, и что мой духъ сильнѣе его“ ¹⁾). Ачерби передаетъ и слова пѣсни юйике: „проклятый волкъ, уходи отсюда и не оставайся болѣе въ этихъ лѣсахъ. Уходи въ самые отдаленные предѣлы земли; если ты не уйдешь, пусть убьетъ тебя охотникъ“. Эту пѣснь, по словамъ Ачерби, поютъ также и не колдуны, такъ какъ она имѣеть силу ограждать стада отъ волковъ ²⁾). Трудно представить себѣ, однако, чтобы это были единственныя слова пѣсни шамановъ, такъ какъ изгнаніе волка не совсѣмъ умѣстно, когда шаманъ собирается отправляться въ другіе края или даже въ царство мертвыхъ.

Небезъинтересенъ и тотъ фактъ, что шаману не должно было быть болѣе пятидесяти лѣтъ, и что зубы у него должны были быть цѣлы,—иначе онъ утрачивалъ свою силу ³).

Слава лопарскихъ нойдовъ была настолько сильна, на-
столько упрочилась за ними, что не только соседніе фин-
ляндцы, но даже шведы и норвежцы, если вѣрить словамъ
Шеффера, посылали своихъ дѣтей обучаться у нихъ колдов-
ству.

Конечно, указанными сторонами не ограничивалась дѣятельность древнихъ шамановъ; но старинные писатели отвѣняютъ лишь эти стороны дѣятельности ихъ, и поэтому то

¹⁾ Regnard. Voyage de Laponie p. 88, 89.

2) Acerbi. Reise durch Schweden und Finnland.

³⁾ Erman Archiv, XX, esp. 355.

я на нихъ и остановился. Кроме того, и христианству, и шведскому законодательству приходилось сильно бороться именно съ шаманизмомъ. Шведское законодательство, несмотря на строгость свою къ тѣмъ, которые употребляли бубень, вывела его изъ употребленія очень не скоро. Въ XVIII в., дѣйствительно его встрѣчаютъ рѣже. Гегстремъ пишетъ, что ему самому даже не удалось ни разу видѣть бубна, такъ какъ тотъ, кто его имѣеть, держитъ это втайне, боясь кары¹⁾. Мало-по-малу выходя изъ употребленія, бубень продолжался вплоть до начала XIX столѣтія, и хотя Шубертъ, посѣтившій Лапландію въ 2-мъ десятилѣтіи нашего вѣка, пишетъ, что бубень встрѣчался у лопарей еще лѣтъ за 20 до его прїзыва, но что теперь языческие обряды всѣ исчезли,²⁾ однако мы имѣемъ свидѣтельство Гоггюера отъ 1828 г., который пишетъ, что нѣкоторые старики до сихъ поръ имѣютъ еще бубень³⁾. Свидѣтельство Шуберта объ исчезновеніи языческихъ обрядовъ можетъ быть, пожалуй, вѣрнымъ только для скандинавской Лапландіи, гдѣ проповѣдь христианства, поставленная на разумную почву, дѣйствительно принесла свои плоды. Въ русской Лапландіи мы видимъ далеко не то.

Современемъ однако христианство и въ русской Лапландіи въ кориѣ должно было измѣнить міросозерцаніе лопаря, заставить забыть своихъ прежнихъ боговъ, оставить пустынными древняя капища. Однимъ словомъ, богатая языческая міѳологія лопаря оказалась замѣненной новымъ пантеономъ, такъ какъ христианство усвоилось лишь съ чисто вѣшней стороны. Поэтому-то, разбивъ, разрушивъ прежнія вѣрованія лопаря, христианство не стерло ихъ окончательно но оставило хотя бы и жалкіе остатки, въ которыхъ мы съ трудомъ увидимъ развалины прежнихъ вѣрованій. Сравнимъ теперь, что осталось отъ древнихъ шамановъ среди современныхъ кол-

¹⁾ P. Högström. Beschreibung des Laplandes. стр. 224.

²⁾ Schubert. Reise durch Schweden, Norwegen, Lapland. стр. 312.

³⁾ Hogguer. Reise; стр. 96: „Волшебный бубень почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, хотя и встрѣчаются еще нѣкоторые старики, которые тайкомъ пользуются имъ“.

дуновъ лопарскихъ, какъ видоизмѣнились они за нѣсколько вѣковъ исповѣданія лопарями христіанства.

Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, позволю себѣ коснуться хоть бѣгло вообще современныхъ вѣрованій русскихъ лопарей.

По отзывамъ, лопари „добрые христіане“, „церковь посѣщають усердно“, „иконы чтуть и свѣчки ставять“ и т. д. Если основываться исключительно на этихъ данныхъ можно вынести впечатлѣніе, что дѣйствительно христіанство въ русской Лапландіи оказало сильное воздействиѣ на умы лопарей, заставило ихъ забыть свое прежнее міросозерцаніе. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: поговорите съ любымъ колядиномъ, и онъ разскажетъ вамъ въ огромномъ количествѣ случаи, гдѣ лопарь является чистымъ полуязычникомъ. Такъ, рассказывали мнѣ, что еще недавно лопари прїѣзжали въ Колу брать очистительную молитву для своихъ женъ послѣ родовъ и просили священника „наговорить“ имъ молитву въ шапку; рассказывали также, что когда лопарь по ошибкѣ молился передъ иконой не того святого, которому онъ хотѣлъ поставить свѣчку, онъ, замѣтивъ свою ошибку, выругался на икону и т. п. Дѣйствительно, подобные рассказы имѣютъ лишь анекдотичный характеръ, и, какъ известно, такие рассказы очень распространены въ Россіи повсюду, гдѣ великорусскій элементъ сталкивается съ инородческимъ; но эти рассказы все-таки обрисовываютъ намъ и взглядъ колядина на лопаря, который своимъ лишь чисто формальнымъ отношеніемъ къ христіанству далъ ему поводъ приписать ему такого рода воззрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ этой внешней оболочкой христіанства таятся у лопаря воззрѣнія и вѣрованія далекой языческой эпохи, причемъ, конечно, съ каждымъ годомъ христіанство заполоняетъ все болѣе и болѣе кругозоръ лопарей, заставляя ихъ на вѣрованія отцовъ смотрѣть лишь какъ на сувѣрія, отъ которыхъ однако лопарю не легко отрѣшиться.

Современный русский лопарь, какъ и его предокъ язычникъ, населяетъ землю различными духами, но эти духи вы-

ходять какими-то жалкими, сравнительно съ развитыми представлениями о богахъ у древнихъ лопарей. То, что нѣкогда являлось необходимымъ условиемъ жертвенного ритуала, является теперь лишь „симпатическимъ“ средствомъ. И лишь среди немногихъ, сравнительно, лопарей эти суевѣрія имѣютъ еще характеръ точныхъ религіозныхъ представлений. Но смотрить ли современный лопарь на прадѣдовскія вѣрованія, какъ на остатокъ завѣщаннаго ему предками его культа, или какъ на обряды, въ значеніи которыхъ онъ себѣ дать отчета не можетъ,— все-таки они являются существенной стороной его жизни, все-таки поглощаютъ его вниманіе.

Ограничусь лишь нѣкоторыми свѣдѣніями, которые мнѣ лично удалось узнать отъ лопарей. Прежніе домашніе духи, которыхъ лопари поселяли подъ очагомъ и которыхъ чтили жертвоприношеніями, перешли въ обыкновенного домового, по-лопарски — *пертъ-хозинъ*. Въ Сонгельскомъ погостѣ, рассказывали мнѣ, пертъ-хозинъ не давалъ покоя одному лопарю: ночью поднимался шумъ; пертъ-хозинъ сыпалъ съ потолка на проходящихъ и бросалъ въ нихъ вещи домашняго обихода. Одинъ лопарь ухитрился схватить домового за руку и зажечь спичку. Оказалось, что тотъ весь въ шерсти, „словно собака“; но послѣ этого пертъ-хозинъ бросилъ этотъ домъ. Здѣсь мы видимъ, что домовой, какъ почти всюду, обратился въ духа недобраго, вредящаго и мѣшающаго жителямъ даннаго дома. Воспоминаніе о немъ, какъ о предкѣ, утратилось совершенно, и его не только не ублажаютъ жертвами, но даже рады, когда онъ уйдетъ изъ дома. Какъ воспоминаніе о связи пертъ-хозина съ домашнимъ очагомъ, сохранился слѣдующій обычай, распространенный почти у всѣхъ, такъ называемыхъ кольскихъ лопарей: именно, куда бы лопари ни прїѣхали, они сначала зажигаютъ огонь въ камелькѣ, а затѣмъ уже сносятъ кладь; это дѣлается для того, чтобы пертъ-хозинъ былъ ласковѣ. Когда лопари уѣзжаютъ на другое мѣсто, они оставляютъ на покидаемомъ ими мѣстѣ въ камелькѣ дрова, спички и растопку, чтобы по возвращеніи своемъ скорѣе зажечь огонь, не то съ кѣмъ нибудь случится

богъзнь. Всякій разъ, когда лопари ложатся спать, они на-
кладывают въ камелекъ жаръ и затѣмъ ножемъ крестять
камелекъ три раза. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ сквозить ясно
мысль, что въ камелькѣ живеть перть-хозинъ. Древніе по-
мѣщали подъ очагомъ души усопшихъ. Ясно, что перть-
хозинъ есть лишь извращенный предокъ, обломокъ нѣкогда
развитаго вѣрованія въ духовъ - покровителей. Въ связи съ
домашнимъ очагомъ, стоять слѣдующее: около камелька,
обыкновенно отгораживается мѣсто, имѣющее видъ продол-
говатаго четырехугольника; за эту ограду никто, ни муж-
чина ни женщина, не можетъ переступить; женщины не
смѣютъ даже ни становиться, ни садиться на эту ограду: это
оскверняетъ святыню. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ пред-
положить, что на этомъ мѣстѣ находились либо священные
изображенія языческой эпохи, либо что это мѣсто считалось жи-
лищемъ домашнихъ духовъ. Среди лопарей нѣкоторыхъ по-
гостовъ это отдѣленіе четырехугольника осталось, но съ
нимъ ужъ не связывается никакихъ религіозныхъ представ-
леній: въ этотъ четырехугольникъ кладутъ посуду.

Въ горахъ живеть другой духъ, женскій — *Луотъ-хозикъ*
(оленя хоziйка). Это божество особенно близко къ лопарямъ,
такъ какъ въ горахъ обыкновенно проводятъ олены все лѣто.
Дѣло въ томъ, что, спуская оленей на волю лѣтомъ, лопари
убѣждаютъ сами по своимъ тонямъ; такимъ образомъ олени
остаются безъ всякаго присмотра, и обыкновенно осенью,
когда лопари собираютъ своихъ оленей, они многихъ не до-
считываются. Если олени оказались цѣлыми, то это даръ и
знакъ милости луотъ-хозикъ: она посыпаетъ оленямъ бога-
тыя пастбища изъ оленѣаго моха, она оберегаетъ ихъ отъ
дикихъ звѣрей; лишь отъ человѣка она не можетъ уберечь
стада. Лопари ея не боятся: она охраняетъ и пасетъ стада
оленей, самое дорогое, самое цѣнное изъ убогаго имущества
лопаря. Она же посыпаетъ и охотнику дикаго оленя. Луотъ-
хозикъ при отпусканіи оленей на волю молится въ слѣду-
ющихъ словахъ: „Луотъ - хоziйка, береги нашихъ оленей.“
Если къ осени олени все нашлись, ее благодарятъ, говоря:

„спасибо тебѣ, что поберегла нашихъ оленей“. Даже если часть оленей пропадетъ, то ее не винять. Луотъ-хозикъ живеть въ тундрѣ; видомъ походитъ она на человѣка: „ходить на ногахъ, какъ человѣкъ, и лицо человѣчье, только вся въ шерсти, словно олень“, описывали мнѣ ее лопари.

Кромѣ Луотъ-хозикъ обязанность оберегать оленей лежить еще на *Лоиъ-хозинъ* и *Поиъ-хозикъ*, (мужъ и жена). Они также пасутъ оленей, оберегаютъ ихъ отъ волковъ, но также какъ и Луотъ-хозикъ, не могутъ уберечь отъ злого человѣка. Съ Луотъ-хозикъ они живутъ мирно.

Сообщу еще краткія свѣдѣнія о лѣсномъ духѣ и о духѣ воды. Лѣсной духъ—*мецъ-хозинъ* живеть въ лѣсу; черный съ хвостомъ; зла людямъ онъ не дѣлаетъ, если люди ему не досаждаютъ; но если они въ лѣсу начинаютъ кричать, шумѣть, или пѣть, то мецъ-хозинъ заведетъ ихъ въ лѣсу „такъ, что не выйдешь“: поэтому-то и необходимо, проходя по лѣсу, соблюдать тишину.

Во всякой водѣ, будь то озеро или рѣка, живеть *саціенъ* съ своими дѣтьми. Она является людямъ въ образѣ нагой женщины, расчесываетъ свои волосы „хорошимъ“ гребнемъ. Лицо у ней бѣлое, чистое, волосы черные. Если испугать саціенъ, она въ испугѣ бросается въ воду, оставляя на берегу на камнѣ, на которомъ сидѣла, и гребень, и часть волосъ. Это божество не всегда является милостивымъ: она часто затачиваетъ къ себѣ людей, почему купаться и является опаснымъ. Вотъ что рассказывали мнѣ лопари Нотозерского погоста про одного изъ своихъ односельчанъ Ивана Титова: „Ванька Титовъ купался утромъ, часа въ 4. Какъ снялся совсѣмъ, видѣть—въ водѣ идетъ человѣкъ нагишемъ, и стала тащить его и протащила съ $\frac{1}{2}$ версты за ногу. Онъ закричалъ; пришли жонки, да и онъ молитву прочель, только тѣмъ и спасся. Потомъ онъ спать завалился на ночь; пришла къ нему саціенъ и говоритъ: „счастливъ ты, что у тебя есть жонки, а то бы я тебя утащила; дай мнѣ то, чего тебѣ не жалко“. Онъ говоритъ: „ладно, даю“, и далъ серебряный рубль да бисеръ и бросилъ въ воду, а на слѣдующую ночь

сацієнь пришла и говорить: „спасибо: очень я довольна“. Послѣ этого онъ и не смѣеть купаться“.

Я позволилъ себѣ остановиться на вѣрованіяхъ въ этихъ духовъ, такъ какъ они по своему назначенію являются наиболѣе близкими для лопаря. На водѣ ему приходится проводить большую часть времени при его рыбныхъ промыслахъ, являющихся главнымъ источникомъ его дохода; олени—самое дорогое для лопаря имущество, и богатство лопарей мѣряется даже по числу головъ, принадлежащихъ той или иной семье; пертъ-хозинъ уже въ своемъ положеніи домашняго духа долженъ быть близокъ лопарю. Но, несмотря на то, что именно эти духи являются столь близкими лопарю, и вслѣдствіе этого уже должны были устоять крѣпче подъ напоромъ новыхъ идей,—вѣра въ этихъ духовъ, ихъ культа крайне слабо развитъ среди лопарей и уничтожается быстро съ каждымъ годомъ. Теперь еще въ Нотозерскомъ погостѣ приносятся жертвы разнымъ вышепоименованнымъ духамъ; вѣроятно, что это встрѣчается и среди лопарей другихъ погостовъ, но это является уже переживаніемъ, которое вскорѣ либо совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, либо обратится въ „симпатическое“ средство, въ простое суевѣrie. Капища, въ которыхъ недавно сравнительно приносились лопарями жертвы, стоять въ настоящее время пустыми, и если, быть можетъ, встрѣчаются еще жертвоприношенія, то они совершаются лишь украдкой; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удалось ничего узнать даже о фактѣ существованія жертвоприношеній, хотя мнѣ и указывали на старинныя капища.

Если такъ быстро измѣнились, рухнули вѣрованія лопарей (это разрушеніе вѣрованій произошло очень недавно, съ тѣхъ поръ, какъ внутри Лапландіи стали строить церкви), то въ правѣ ли мы ожидать богатыхъ данныхъ о колдунахъ? И ихъ слава прошла или потускнѣла, какъ потускнѣла слава боговъ прежнихъ лопарей. За уничтоженіемъ жертвоприношеній и жрецъ оказался лишнимъ. Бубенъ вышелъ изъ употребленія, сами средства колдовства видоизмѣнились. И если посмотреть на современаго колдуна среди лопарей,

на его дѣятельность,—онъ съ первого взгляда мало будетъ похожъ на шамановъ, выходившихъ изъ среды предковъ современныхъ лопарей.

Однако, если вглядѣться глубже и провѣрить, какъ самъ лопарь смотрить на своихъ колдуновъ, какой силой онъ ихъ одаряетъ, хотя эта сила и не выражается подчасъ видимымъ для лопарей образомъ,—мы ясно увидимъ, что современный лопарскій колдунъ лишь нѣсколько болѣе слабый потомокъ прежнихъ чародѣевъ, но потомокъ несомнѣнныи, прямой. Уже то обстоятельство, что лопари своего колдуна называютъ *нойдѣ*, слѣдовательно, тѣмъ же именемъ, какое придавалось древнему шаману, доказываетъ, что тотъ колдунъ, котораго мы видимъ въ настоящее время среди лопарей, есть лишь нѣсколько видоизмѣненный древній шаманъ. Въ качествѣ жреца ему уже не приходится принимать участія, но гаданія, узнаваніе будущаго и т. д. остались его дѣломъ.

Современные нойды въ большомъ числѣ встрѣчаются среди лопарей; они, такъ сказать, разсѣяны по всей лопской землѣ. Но сила ихъ, какъ и древнихъ шамановъ, не одинакова. Въ то время, какъ одни лопари, по словамъ своихъ односельчанъ, являются лишь „маленько колдунами“, другіе прославились на большое пространство, и къ нимъ приходятъ издалека за совѣтомъ и зовутъ ихъ въ отдаленные погосты для излѣченія больного или для гаданія.

Какимъ же образомъ лопарь дѣлается колдуномъ?

Можно имъ быть отъ природы, можно и научиться колдовству, хотя для того, чтобы быть признаннымъ колдуномъ, на сколько мнѣ известно, и не требуется исполненія тѣхъ формальностей, описаніе которыхъ мы видимъ у древнихъ писателей. Обыкновенно же умѣніе колдовать переходить по наслѣдству изъ рода въ родъ: отецъ-колдунъ, умирая, оставляетъ умѣніе колдовать либо сыну, либо дочери, „благословлять колдовствомъ“, какъ говорятъ лопари. Въ Нотозерскомъ погостѣ, живетъ одна лопарка, по имени Афимья Егоровна, жена того Ивана Титова, о которомъ я говорилъ выше. Родомъ она изъ Пазрѣцкаго погоста; ей приписываютъ умѣніе

колдовать, и по поводу способа, которымъ перешло это искуство на Егоровну, существуетъ у лопарей слѣдующій разсказъ, отъ справедливости котораго и сама Егоровна не отрекается: „Когда отецъ Егоровны умиралъ, онъ спрашивалъ ее: „чѣмъ тебя, Афимьюшка, благословить?“ Она молчала. Что-то упало на улицѣ. Отецъ испугался и замололъ что-то и закашлялся; когда пришелъ онъ въ себя, она и говорить: „ты чего испугался? что-то упало на улицѣ“. Онъ и говорить: „этимъ-то только я благословляю тебя—большеничѣмъ не могу“. Съ тѣхъ порь она стала пугаться и немногого колдовства знаетъ“.

Такого рода передача колдовства отъ отца къ сыну или дочери можетъ имѣть силу сколько угодно поколѣній: знаніе колдовства, являясь собственностью его обладателя, на ряду съ прочимъ семейнымъ имуществомъ переходитъ на наслѣдниковъ; но въ то время, какъ прочее имущество глава семьи не имѣть права завѣщать другому лицу помимо семейныхъ, этотъ даръ колдовства онъ можетъ передать и чужому, хотя обыкновенно передаетъ его одному изъ своихъ наслѣдниковъ. Въ этомъ обычай передачи своихъ знаній въ колдовство изъ поколѣнія въ поколѣніе, мы видимъ еще воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда сынъ научался колдовству отъ отца, и такимъ образомъ это знаніе являлось наслѣдственнымъ. Эту эпоху, какъ видно изъ предшествующаго, писатели XVII в. застали еще у скандинавскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ скандинавской Лапландіи.

Колдуны въ большой славѣ у лопарей; имъ приписывается большая сила, и масса разсказовъ, ходящихъ въ устахъ лопарей о чудесахъ, произведенныхъ нойдами, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого. Часть этихъ разсказовъ относятся къ далекому прошлому, но, передавая ихъ, лопари и не думаютъ отбѣнять, что современные нойды слабѣе древнихъ. Всякий нойдъ, если онъ силенъ, можетъ сдѣлать то, что дѣлали древніе, и если онъ этого не дѣлаетъ, то лишь оттого, что этому не представляется случая или необходимости.

Во всякомъ случаѣ, эти рассказы характерно рисуютъ намъ взглядъ лопарей на ихъ нойдовъ и поэтому я позволю себѣ остановиться на нихъ¹⁾.

Существуетъ преданіе, что Нотозеро было однажды спасено отъ разорительного набѣга чуди одной дѣвкой—нойдою. Однажды нойда сказала своимъ односельчанамъ: „Заготовьте хлѣба и воды на три дня; изъ тупъ (избъ) не ходите—будетъ буря; а меня не будите три дня“. Дѣйствительно, поднялась большая буря съ мяtelью, которая длилась три дня. Въ это время нойда спала; когда по прошествіи трехъ дней она проснулась, она сказала: „теперь всѣ мужики идите съ топорами на большой мохъ“. Когда мужики пришли на означенное мѣсто, они увидѣли погибающую въ снѣгу отъ холода чудь: всѣхъ чудиновъ тутъ и побили. Такимъ образомъ побѣгъ чуди не удался.

А вотъ какъ рассказываютъ пазрѣцкіе лопари о томъ, почему перевелись въ ихъ странѣ дикіе олени. „Жилъ въ Пазрѣкѣ нойдъ; ему хотѣлось, чтобы у пазрѣчанъ было много оленей. Вотъ онъ разъ и сказалъ своимъ друзьямъ: „пойдемъ на суднѣ въ Швецию, привеземъ оттуда оленей“. Поехали съ Вылемскаго наволока (съ устья Пазрѣцкаго залива) и пристали къ Шведскому берегу. Нойдъ выходя на берегъ, сказалъ своимъ: „я возьму тамъ оленій рогъ и буду грызть: вы не препятствуйте и ничего не спрашивайте“. Съ берега онъ возвратился, держа во рту рогъ, сѣлъ въ лодкѣ на кормѣ, и снова они поѣхали. Олени за нимъ и поплыли. Онъ грызъ рогъ и дошелъ до вѣтвей его. Тутъ онъ сталъ показывать своимъ спутникамъ, чтобы они отрубили ихъ, но тѣ не поняли его знаковъ. Пріѣхали къ Вылемскому наволоку, нойдъ вышелъ на берегъ и сказалъ: „зачѣмъ не отрубили вы вѣтвей у рога: теперь будутъ у насъ только тѣ олени, которые успѣли зайти въ море, а прочие останутся, да и пришедшіе

¹⁾ Сведения о пазрѣцкихъ лопарахъ и последній разсказъ о нойдахъ сообщены мнѣ обязательнымъ настоятелемъ Пазрѣцкой церкви, отцомъ Константиномъ Щеколдинымъ, за что я позволяю себѣ выразить здѣсь ему мою глубокую признательность.

не долго будуть жить. Вотъ поэтому и нѣтъ дикихъ оленей⁴. Кромѣ вѣры въ силу нойда, которая такъ ясно выразилась въ этомъ сказаніи, характернымъ является то, что при совершенніи колдовства, нойдъ не можетъ говорить: онъ долженъ хранить глубокое молчаніе. Въ слѣдующемъ разсказѣ это выражается еще яснѣе. Сила нойдовъ доходитъ здѣсь до высшей степени. Противъ Рыбачьяго наволока лежать такъ называемые Айновы острова. О происхожденіи ихъ у пазрѣцкихъ лопарей существуетъ слѣдующее преданіе. Еще до принятія христіанства лопарями въ Печенгскомъ погостѣ славились три брата-силача — нойды. Оленей въ это время было мало, а въ Швеціи ихъ было много. Вотъ братья и сказали матери: „поѣдемъ въ Норвегу, отрѣжемъ кусокъ земли и прїѣдемъ на ней со всѣмъ добромъ и оленями“⁵. Они уѣхали, и мать, спустя долгое время, увидѣла во снѣ, что дѣти возвращаются. Она вышла изъ тупы и услышала шумъ; съ радости она закричала: „вотъ дѣтки єдутъ, везутъ живота, быковъ, важенокъ (самка оленя); не даромъ же они говорили“⁶. Когда она прокричала это, сама окаменѣла, окаменѣлъ и весь погостъ (деревня). Земля, на которой, дѣйствительно, подплывали ея дѣти, разорвалась на двѣ части; нойды и олени потонули, а изъ земли, на которой плыли нойды, образовались два острова Айновы, известные морожкою.

Кромѣ этого преданія о происхожденіи Айновыхъ острововъ, существуетъ преданіе, что нойды хотѣли запереть островами входъ въ Печенгскій заливъ, а Кильдинскимъ островомъ входъ въ Кольскій заливъ, для того чтобы сдѣлать непріятность св. Трифону, проповѣдывавшему христіанство въ то время среди лопарей. Когда люди увидѣли подплывающую землю, они закричали: „земля идетъ!“⁷. Земля тотчасъ остановилась, а нойды, плывущіе на ней, тотчасъ окаменѣли.

Кромѣ вѣры, что нойды могутъ отрѣзывать куски земли и на нихъ переплывать съ мѣста на мѣсто, въ этихъ двухъ преданіяхъ ясно выражено, что шумъ при совершенніи колдовства является гибельнымъ для колдуновъ. Въ первомъ преданіи они тонутъ, во второмъ обращаются въ камни.

Это возрѣніе, живущее, какъ видно, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, среди пазрѣцкихъ лопарей, сближаетъ вѣрованія современныхъ лопарей съ древними ихъ скандинавскими со-сѣдями. Аналогичныя преданія записаны и тамъ. Такъ, происхожденіе многихъ священныхъ камней (сейдовъ) объяснялось именно тѣмъ, что чародѣи превращались въ камни. Чародѣи имѣли особую способность гонять оленей или лѣсныхъ звѣрей для себя и для другихъ. Но, чтобы это удалось, требовалось, чтобы колдованіе происходило при полномъ молчаніи. Если нойдъ произносилъ хоть слово, онъ тотчасъ превращался въ камень. Такъ произошелъ камень, находящійся на берегу Утсьоки. Преданіе гласитъ, что тамъ жилъ известный волшебникъ, который однажды призвалъ заклинаніями къ себѣ оленье стадо. При совершенніи заклинаній онъ запретилъ своему слугѣ нарушать молчаніе. Слуга, увидавъ, что оленье стадо приближается, забылъ запрещеніе своего господина и закричалъ отъ радости: оленье стадо дѣйствительно подошло, но нойдъ былъ обращенъ въ камень¹⁾.

Оставивъ въ сторонѣ народныя преданія, посмотримъ, чего лопарь можетъ требовать отъ колдуна, на чемъ сосредоточивается его дѣятельность. Конечно, о жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ древніе шаманы принимали столь дѣятельное участіе, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Остальные функции остались за нимъ, онъ можетъ приносить добро и зло, можетъ насылать болѣзнь или излѣчивать больного, узнавать будущее, подавать счастіе. Въ способность колдуна исполнять всѣ эти задачи лопари вѣрятъ беззавѣтно. Мало того, иногда случается такъ, что колдунъ помимо своей воли приносить добро, если знать способы, какъ заставить его это сдѣлать. Вотъ какой разсказъ сообщилъ мнѣ о. Константина Щеколдинъ; онъ ярко рисуетъ намъ въру лопаря въ своего колдуна. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ разсказъ передается лопарями не какъ сказка, а какъ быль, т. е. какъ фактъ, бывшій въ дѣйствительности, и въ этомъ своемъ зна-

¹⁾ Ermann Archiv XX. стр. 351.

чени были онъ пріобрѣтать еще большую цѣну для обрисовки мнѣній и взглядовъ современного лопаря.

Быть не очень давно въ Пазрѣкѣ одинъ лопарь, по имени Никита. Онъ былъ раньше хороший охотникъ, но послѣ по неизвѣстнымъ причинамъ ему не удавалось убить ни одного звѣря, ни птицы; вслѣдствіе этого онъ сталъ чувствовать большую нужду. Однажды изъ Сонгельскаго погоста пріѣхалъ въ Пазрѣку нойдъ; Никита пошелъ къ нему на встречу и пригласилъ къ себѣ въ тупу. Нойдъ былъ къ тому и родственникъ Никитѣ. Вечеромъ онъ его угостили. Послѣ ужина для нойда онъ приготовилъ и постель. Когда нойда вышелъ на улицу, Никита положилъ ему внизъ подъ голову, такъ что нойдъ этого не замѣтилъ, рогъ съ порохомъ и пулями. Нойдъ легъ спать. Утромъ нойдъ сталъ въ головахъ у себя перебирать все платье и, наконецъ, дошелъ и до роговъ. Взялъ онъ ихъ въ руки и сказалъ Никитѣ: „Кто тебя научилъ сюда ихъ положить?“—„Есть захочешь, поневолѣ положишь.“—„Ну, возьми, теперь будешь доставать хорошо“. И действительно, послѣ этого старицъ съ охоты никогда болѣе не возвращался съ пустыми руками.

Ходятъ лопари къ колдуна также съ просьбой приворожить себѣ кого-нибудь. Характерно то, что къ колдуну обращаются съ этой цѣлью только парни, никогда дѣвушки. Колдуна приносятъ что-нибудь съѣстное, „какой-нибудь юдунъ“, на который колдунъ и наговариваетъ. Затѣмъ онъ приносить указанной дѣвушкѣ этотъ „юдунъ“ какъ бы отъ себя, и та, какъ только сѣѣсть, тотчасъ привораживается къ данному парню. Когда колдунъ начинаетъ наговаривать, онъ покрываетъ самъ и покрываетъ и предметъ, на который онъ наговариваетъ, платкомъ. Самый наговоръ онъ совершаетъ, ушедши въ уголъ комнаты; по произнесеніи словъ наговора, колдунъ поспѣшно обвертываетъ наговоренный предметъ въ тряпку или бумажку и несетъ его дѣвушкѣ. Случается, конечно, что дѣвушка не рѣшается принять отъ колдуна подарокъ, что дѣлается, впрочемъ, по словамъ лопарей, не изъ страха передъ колдуномъ, а изъ стыдливости;

тогда колдунъ производить свой наговоръ вторично и снова несетъ дѣвушкѣ какой-нибудь гостинецъ, пока та не согласится принять подарокъ, или если дѣвушка остается въ своемъ отказѣ непреклонной, нашептываетъ на воду и заставляетъ дѣвушку выпить эту воду.

Обращаются къ колдуну и супруги, живущіе несогласно другъ съ другомъ, что однако встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ общемъ супруги здѣсь живутъ обыкновенно очень согласно. Рѣдко вообще можно встрѣтить семью, въ которой мужъ и жена живутъ нехорошо другъ съ другомъ. Но если однако это случилось, то помощникомъ при возстановленіи семейнаго мира является опять-таки колдунъ или колдунья. Производится опять наговоръ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, съ покрытиемъ себя и наговариваемаго предмета (воды, муки или рыбы) платкомъ; кроме того, нойдъ чертить ножомъ разныя фигуры на наговариваемомъ предметѣ; послѣ этого наговоренный предметъ дается супругу при первой возможности.

Служить колдунъ также для объясненія непонятныхъ лопарю чудесныхъ явлений, видѣній сновъ и т. п. Къ первымъ лопаремъ имѣютъ особую склонность. Приведу разсказъ, записанный мною буквально со словъ лопарей—быль про ту-же Егоровну, о которой я упоминалъ уже выше. Это было еще тогда, когда Егоровна была лишь невѣстой Ивана Титова. „Отецъ и мать уѣхали въ Колу. Егоровна сидѣла одна и мужику (т. е. жениху) подъ вѣнецъ каньги (обувь) шила. Солнце было часу на шестомъ. Она сидѣла и шила подъ окномъ, которое выходило на улицу. Двѣ барышни прилетѣли будто на крыльяхъ. Онѣ прилетѣли и сѣли около нея; барышни въ черныхъ платьяхъ и въ шляпахъ и въ лентахъ, возлѣ нея сѣли и говорятъ: „мы шли, шли—по пути избушка стоитъ; въ той избушкѣ—маленька подружка, порато (очень) маленькая“; и головой качаютъ. Которая постарше барышня, у той ключи въ карманѣ, которыми она и брякаетъ, и старшая сестра брякаетъ въ карманѣ ключами и спрашиваетъ у младшей сестры: „отдать ли этой (Егоровнѣ) ключи?“ Млад-

шая сестра и говорить: „нѣть, рано ей еще отдать, не можетъ она владать нашими ключами.“ У младшей сестры руки всѣ въ кольцахъ. Егоровна и спросила: „барышни—въ Колѣ видала я барышень—тѣ кольца не носять, а у васъ много кольца на рукахъ“. Она и говорить: „мы эти кольца даемъ разнымъ лицамъ, кому два, кому три, кому пять, кому и десятокъ. А тебѣ на 23-мъ году даемъ ломаное кольцо, а на 44-мъ году дадимъ тебѣ кольцо—на весь вѣкъ хватить да и послѣ тебя еще останется“. Барышни эти полетѣли опять... эти барышни пришли опять подъ окно и говорятъ: „...смотри, до трехъ лѣтъ не сказывай“, и улетѣли. Егоровна испугалась и занемогла. За рѣкой тетка живеть; она ждеть Егоровну въ гости—та не идетъ: сутки—нѣть и другія—нѣть. Она пришла провѣдать, а Егоровна лежить: волосы растрепаны и сама черная, какъ уголь — въ чёмъ душа?.. Тетка поѣхала къ Колѣ на встрѣчу отцу. Встрѣтила и говоритъ: „что дѣвку-невѣсту бросили всѣ? она въ худыхъ душахъ лежитъ“. Они и говорятъ: „неужто лежитъ?“ Они прїѣхали домой... отецъ маленько колдунъ былъ: у Егоровны онъ кольцо снялъ съ руки и косынку съ головы, а самъ ушелъ въ амбаръ; въ амбарѣ повалился спать, а кольцо и косынку подъ голову положилъ. Видѣть во снѣ, кто-то говоритъ ему: „кто-то былъ у дочери, но она не можетъ раньше трехъ лѣтъ сказать, а если скажетъ, то съ ней что-нибудь случится“. Онъ и стала матери этотъ сонъ разсказывать и говорить: „ей нельзя сказать, не надо и тревожить“. А послѣ трехъ лѣтъ она сказала отцу, какъ были барышни. Онъ и говоритъ: „Это у тебя дьяволы были: они хотѣли тебѣ колдовства дать—ключи, а только ты молода слишкомъ была. А кольца хотѣли дать—будетъ у тебя на 23-мъ году недонесенный ребенокъ“.

Этотъ разсказъ интересенъ тѣмъ, что, кроме того, что онъ рисуетъ намъ способы, къ которымъ прибегаетъ колдунъ для узнаванія тайныхъ явлений, онъ даетъ намъ еще представление, что колдовство посыпается, по мнѣнію лопарей, дьяволомъ. На этомъ послѣднемъ воззрѣніи я остановлюсь

нѣсколько ниже; теперь позволю себѣ еще сказать о спосо-
бахъ лѣченія болѣзней нойдами.

Дѣло въ томъ, что всѣ нойды имѣютъ силу посыпать то,
что лопари называютъ „стрѣлы“, „витряное“,—выражающееся
въ колотьяхъ. Это вѣрованіе раздѣляютъ вмѣстѣ съ ло-
парями и коляне, и русскіе поморы, которые также при-
писываютъ лопарскимъ колдунамъ эту способность. Въ
этомъ мы видимъ переживаніе взгляда, съ которымъ мы
встрѣчались у древнихъ писателей, приписывавшихъ лопарямъ
способность насыпать тире, гань, или свинцовые копья.

Если у кого появятся колотья призываютъ нойда, на
обязанности котораго и лежитъ узнать прежде всего,
кто наслалъ „стрѣлы“; ему даютъ платокъ и серебряный
рубль или иную какую либо серебряную монету. Нойдъ за-
вязываетъ ее въ платокъ и, отправляясь спать, кладетъ его
подъ ухо; во снѣ онъ кричитъ и поетъ и, проснувшись, объ-
являетъ, что такой-то напустилъ „стрѣлы“. Больной послѣ
этого долженъ сказать: „сними съ меня стрѣлы“. Колдуна
даютъ другой платокъ съ деньгами, и онъ снова ложится
спать и во снѣ отсылаетъ „стрѣлы“ пославшему ихъ. Больной
долженъ послѣ этого выздоровѣть. Если колдуна не дать де-
негъ и платка—онъ умреть, такъ какъ ему нечѣмъ будетъ
стражнуть съ себя „стрѣлы“, которыхъ онъ сгоняетъ съ боль-
ного, и болѣзнь должна перейти на него. „Стрѣлы“ же мож-
но стражнуть лишь платкомъ и серебромъ (Нотозеро). Иног-
да „стрѣлы“ вынимаютъ: ощупываютъ тѣло больного, пока
не найдется мѣста, которое болитъ; найдя его, начинаютъ
нажимать его, какъ бы выдавливая что-нибудь; затѣмъ дѣ-
лаютъ видъ, будто вынули иголку, переламываютъ ее и сду-
ваютъ на вѣтеръ. Этотъ способъ практикуется, какъ кол-
дунами, такъ и знахарями и даже простыми лопарями. Па-
зрѣцкіе лопари за труды колдунамъ платятъ платьемъ, оле-
нями или овцами. Денегъ имъ никогда не даютъ, такъ какъ
вѣрять, что дающій колдуна денегъ навсегда обѣдишь. Въ
Нотозерскомъ погостѣ, какъ мнѣ говорили лопари, тотъ пла-
токъ и деньги, которые даются колдунау, поступаютъ въ его
собственность.

Особою славою, какъ колдуны, какъ лица умѣющія посыпать „стрѣлы“, славятся лопари Сонгельского погоста. Ихъ слава въ этомъ отношеніи столь велика, что пазрѣцкіе лопари боятся ихъ и встрѣчаютъ ихъ съ почетомъ: передъ ихъ проѣздомъ непремѣнно хвораютъ нѣсколько жителей Пазрѣки „витрянымъ“; имъ же приписывается способность вынимать изъ живого оленя сердце и печень.

Остается еще вопросъ: при помощи кого лопарскіе нойды производятъ свои дѣйствія? На этотъ вопросъ, до извѣстной степени, можно было уже отвѣтить, а именно, что у лопарей есть какой-нибудь духъ, который имъ служить, такъ какъ мы видѣли этихъ двухъ „барышень“, которые являлись Егоровнѣ и хотѣли дать ей ключи колдовства, и того колдуна, который во снѣ кричить и поеть, и сгоняетъ тѣмъ „стрѣлы“ съ больного. Подобно тому, какъ древній шаманъ въ безсознательномъ состояніи, вмѣстѣ съ духомъ ему служащимъ, совершалъ далекія путешествія и узнавалъ о причинахъ болѣзни,—такъ и современный нойдъ въ состояніи сна узнаетъ, кто послалъ на больного „стрѣлы“. Кроме того, у пазрѣцкихъ лопарей, по словамъ о. Щеколдина, встрѣчаемся съ вѣрованіемъ, что у каждого нойда есть какой-нибудь духъ. Онъ является ему ночью и лопарь приказываетъ ему сдѣлать то или другое, и духъ исполняетъ порученіе. Когда умираетъ нойдъ, духъ остается свободнымъ, и если колдунъ не завѣщаъ его кому нибудь—онъ идетъ къ разнымъ лопарямъ, предлагая свои услуги; является онъ въ этомъ случаѣ либо въ видѣ юноши, либо дѣвушки; къ такимъ-то оставшимся безъ господина духамъ и слѣдуетъ отнести тѣхъ „барышень“, которые являлись къ Егоровнѣ.

На Пайасъ-озерѣ ходитъ слѣдующій разсказъ, который выдается лопарями опять-таки за быль. На Пайасъ-озерѣ жилъ лопарь съ женой, не очень еще давно. У нихъ было три сына. Отецъ и мать уѣзжали на озеро промышлять рыбу, а дѣтей оставляли однихъ. Въ отсутствіе родителей ежедневно приходили къ нимъ трое красивыхъ юношей. Когда родители должны были возвратиться, юноши уходили и го-

ворили мальчикамъ: „когда вы выростете большими, мы будемъ жить вмѣстѣ, неразлучно, будемъ товарищами. Вы только отцу и матери не говорите, что мы ходимъ къ вамъ и что вамъ говоримъ“. Однако меньшой сынъ разъ какъ-то рассказалъ родителямъ о происходящемъ въ ихъ отсутствії. Тѣ испугались, чтобы дѣтей у нихъ не укралъ кто-нибудь, и поэтому перѣехали вмѣстѣ съ тупой на другую сторону озера. Юноши болѣе не показывались. Но вскорѣ всѣ три сына умерли. Тогда родители догадались, что подъ видомъ трехъ юношей приходили дьяволы, оставшіеся послѣ смерти какого-нибудь нойда, и хотѣли имъ служить, но такъ какъ родители уѣхали, то и духи ихъ оставили.

Древніе писатели, трактовавшіе о лопаряхъ и о ихъ шаманахъ, ничего не передали намъ, каковы были вѣрованія лопарей, сопряженныя съ нойдомъ послѣ его смерти. Что касается современныхъ русскихъ лопарей, то колдунъ остается опаснымъ и послѣ смерти, и даже будучи уже покойникомъ можетъ вредить людямъ. Приведу здѣсь разсказъ пазрѣцкихъ лопарей о смерти одного колдуна,—разсказъ, который въ своей безъискусственной формѣ повѣдаетъ намъ прямо изъ устъ лопарей, чѣмъ страшенъ колдунъ послѣ своей смерти. Позволяю себѣ привести этотъ нѣсколько длинный разсказъ цѣликомъ.

Жилъ въ Нотозерѣ нойдъ, по имени Ризь. Онъ много портилъ людей, а многимъ и пособлялъ. Наконецъ, подъ старость и самъ онъ занемогъ. Всѣ думали, что онъ поправится, но вышло иначе. Черезъ нѣсколько времени онъ умеръ и его стали бояться всѣ еще больше, чѣмъ живаго. Гробъ ему таки сдѣлали и туда положили, но везти хоронить никто не соглашался, потому что, какъ колдунъ, онъ могъ дорогой встать и другого сѣсть. Не смѣли его везти хоронить даже и сыновья. Наконецъ, одинъ таки, подобный ему, также нойдъ, нашелся и за назначенную плату повезъ хоронить покойника. Выѣхалъ онъ съ нимъ вечеромъ, чтобы утромъ или днемъ похоронить. Сперваѣхалъ онъ на оленяхъ хорошо, но около полуночи вдругъ, ни съ того, ни съ сего,

каждаго раза смотрѣль туда, гдѣ должна быть заря, и, не видя ея, продолжалъ грызть. Опасъ, увидавъ, чтоничѣмъ не можетъ остановить, испугался. Онъ рѣшился потихоньку спускаться, съ мыслю, что мертвѣцъ, увида это, подумаетъ, что онъ поддается ему самъ. Яммій, дѣйствительно, пересталъ грызть и сталъ дожидаться. Такъ онъ спускался тихонько. Наконецъ, показалась заря и опасъ закричалъ: „пришла заря—поди въ свой гробъ“. Нойдъ-яммій увидѣль зарю, испугался, пошелъ къ кережѣ и легъ въ гробъ. Опасъ сошелъ съ еши, закрылъ гробъ, припрѣгъ оленей и повезъ его къ мѣсту, гдѣ должно было его похоронить. Пріѣхалъ туда скоро, вырылъ могилу и гробъ опустилъ на бокъ, чтобы яммій не могъ встать; онъ зналъ, что если нойда положить въ могилу на спину или вверхъ спиной, онъ по ночамъ будетъ вставать. Могилу онъ зарылъ и скорѣй пошелъ назадъ. Пріѣхалъ и и рассказалъ все, какъ было; народъ сталъ бояться. Боялись даже въ первые 6—7 лѣтъ послѣ его смерти ходить мимо его могилы, и тѣ, которые ходили мимо, слышали, что будто тамъ въ могилѣ кто-то плачетъ или воетъ. Разъ мимо его могилы, въ мѣстѣ Ристѣ-Кидѣ, проходили молодые ребята и смѣялись, говоря: „былъ большой нойдъ, да тутъ и легъ“. Когда они отошли съ версту отъ могилы, вдругъ услышали, что за ними будто кто-то їдетъ, даже земля дрожитъ. Они испугались. Одинъ былъ изъ нихъ не простой и догадливый: онъ вырубилъ ольховый батогъ-палку и сдѣлалъ имъ на землю крестъ. Нойда, добѣжавъ до этого мѣста, перейти не могъ и обходилъ стороной далеко. Они же въ это время бѣжали впередъ и какъ только слышали погоню, опять дѣлали на дорогѣ крестъ палкой. Такъ они добѣжали до р. Туломы, гдѣ былъ карбасъ (лодка). Они стянули его съ горы въ воду и поѣхали отъ берега. На берегу въ это время услышали большой стукъ и увидѣли, что въ воду упали словно два большихъ камня и утонули. Ребята пріѣхали домой совсѣмъ перепуганные и послѣ сказали другимъ, чтобы не смѣялись, если не хотятъ попасть на зубы нойда.

Таковы вѣрованія лопарей въ колдуновъ-нойдовъ. Вгляд-

дѣвшись въ нихъ ближе, мы видимъ, что въ основѣ они остались тѣми же, какими ихъ намъ рисуютъ древніе писатели у лопарей скандинавскихъ. Но все-таки вѣковое исповѣданіе христіанства, усвоиваемое хотя бы лишь съ вѣшней стороны, низвело ихъ на значительную низшую степень. И между жрецомъ главой рода, и могущественнымъ шаманомъ древнихъ временъ и современнымъ колдуномъ—у русскихъ лопарей огромная разница. Но все-таки мы и въ современныхъ русско-лопарскихъ колдунахъ видимъ лишь потомковъ, хотя и болѣе слабыхъ, древнихъ шамановъ: мы можемъ прослѣдить, хотя и въ самыихъ общихъ чертахъ, постепенный ходъ развитія колдовства у лопарей, сначала въ пользу шамановъ, которые постепенно узурпируютъ жреческія обязанности изъ рукъ главы семьи, затѣмъ постепенный упадокъ подъ вліяніемъ новыхъ идей.

Но каковы бы ни были нойды у современныхъ русскихъ лопарей, какъ бы ни блѣдны были отблески славы древнихъ шамановъ на нихъ, они все-таки сильно чтутся лопарями: ихъ опасаются и русскіе, вѣрящіе слѣпо въ ихъ силу. И если Лапландія еще въ Калевалѣ называется „мрачной страшной чародѣевъ“, то и въ настоящее время ей этотъ эпитетъ не будетъ лишнимъ.

Николай Харузинъ.